STUDIA WARMIŃSKIE 53 (2016)
ISSN 0137-6624

Oksana Petinowa
Wydział Rehabilitacji Fizycznej
Południowoukraiński Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny im. K.D. Uszyńskiego
w Odessie

Принцип разумного эгоизма как идейный фундамент представлений о человеке в контексте экономических связей

Słowa kluczowe: człowiek, człowiek ekonomiczny, stosunki gospodarcze, działalność gospodarcza, interes, rozumny egoizm, gospodarcze zarządzanie.

Keywords: man, homo economicus, economic relations, economic activities, interests, rational egoism, economic management.

Schlüsselworte: Mensch, wirtschaftlicher Mensch, wirtschaftliche Verhältnisse, wirtschaftliche Tätigkeit, Interessen, rationaler Egoismus, Wirtschaftsführung.

Конструирование некоторой реальности, например, социальной, осуществляется на основе определенной модели и предпосылок как идейного, так и эмпирического характера. Современный глобальный контекст существования человечества во многом опосредован экономическими отношениями, следовательно, решение актуальных социальных проблем связывается с экономической сферой, хозяйственной деятельностью, рыночными механизмами. Субъектом всех взаимодействий в этих областях является человек в специфике его экономических природно-поведенческих проявлений, представленный в модели человека экономического.

Исторический срез, идейная реконструкция экономических теорий свидетельствуют о том, что в любой из них заложена определенная концепция человека, то или иное понимание его сущности и предназначения как выражения духа своего времени. Возникновение понятия „homo economicus" – „человек экономический" – связано, прежде всего,

Adres/Adresse/Anschrift: dr Oksana Petinowa, master of Philosophica. Science, associate professor of philosophy, sociology and management of socio-cultural activities department in South Ukrainian National Pedagogical University after KD Ushinskiy, s. Odessa, Ukraine, oksanapnpu@gmail.com.

со взглядами основателя классической английской школы политэкономии А.Смита на природу человека и ее влиянии на экономические отношения в обществе.

В соответствии с концепцией естественных, неотчуждаемых прав и свобод личности, идеями экономического либерализма, А. Смит обосновывает место и роль человека в сфере экономической деятельности. Английский ученый развивает мысль о приоритете эгоистичных интересов в действиях человека, опираясь на положения, которые прозвучали еще у Т. Гоббса. Однако ближе ему оказываются не выводы Т. Гоббса о необходимости авторитарного государства, жестко контролирующего человеческий эгоизм, а Гельвеция, который признавал эгоизм не только естественным свойством человеческой личности, но и сопрягал его с общественным прогрессом.

Просветительская трактовка человеческой природной сущности как мощного стремления к удовлетворению своекорыстных интересов, любовью к себе, основанной на инстинкте самосохранения, явилась фундаментом принципа разумного эгоизма. Страсть себялюбия, забота о себе признавались первичными и важнейшими по отношению к другим, так как именно они соответствовали естественному порядку вещей в природе.

Просветительская интерпретация своекорыстия как основы человеческой деятельности базируется на признании естественного права индивидов. Разумный просвещенный человек опирается на эгоистические мотивы и как здравомыслящий индивид осознает противоречия, препятствия на пути к удовлетворению личных интересов из-за всеобщности подобных устремлений. Поэтому он понимает необходимость ограничения собственных желаний во имя достижения поставленной цели. Принцип разумного эгоизма является фундаментом, который обеспечивает совместное гармоничное выживание и компромиссное проживание множества эгоистичных по природе индивидов. Независимый собственник, таким образом, вынужден учитывать чужие интересы, чтобы достичь эффективного хозяйствования.

Истоки принципа разумного эгоизма обнаруживаются в античных философско-этических концепциях морали, в которых мыслители излагали свои взгляды о человеке, о его природе (Демокрит, Эпикур, стоики и др.). Аристотель в девятой книге „Никомаховой этики", размышляя о разных видах себялюбия, соотносит достойное, на его взгляд, себялюбие с разумным и нравственным стремлением: достойный „себялюб" уделяет себе самые прекрасные и первейшие блага и угождает

самому главному в себе, во всём ему повинуясь, и как государство и всякое другое образование – это прежде всего его главнейшая часть, так и человек; выходит, что себялюбом [в высшем смысле] является в первую очередь человек, дорожащий этой частью себя и угождающий ей"[1]. Указанное стремление Аристотель связывает с разумным выбором: „Кроме того, воздержным и невоздержным называют в зависимости от того, удерживает ли ум [главенство] или не удерживает, как если бы каждый и был [сам] этим [умом], и, как кажется, поступки совершают сами, то есть произвольно, когда совершают их при участии суждения (мефб лпгпх). Совершенно ясно, таким образом, что каждый представляет собою эту свою часть или прежде всего её, а также что добрый человек особенно ею дорожит. Вот почему он будет себялюбом по преимуществу, но иного рода, нежели порицаемый себялюб, причём настолько от него отличающимся, насколько отличается жизнь по рассуждению (кбфб лпгпн) от жизни по страсти, а стремление к нравственно прекрасному – от стремления к кажущемуся полезным"[2].

В христианской традиции эгоизм порицается, „ибо он равнозначен понятию греховности, поврежденности человека. Эгоизм проявляется как совокупность страстей, которые противоположны добродетелям и имеют своим источником самолюбие. Самолюбие (самоутверждение, самолюбование, самоуверенность) порождает три основные страсти: славолюбие, сребролюбие и сластолюбие, которые в свою очередь пробуждают остальные многочисленные страсти. Спасение и совершенство человека напрямую связано с искоренением страстей, а следовательно, и эгоизма как их источника. До конца эту задачу в условиях земной жизни решить невозможно, ибо нет ни одного человека, полностью очистившегося от страстей, но в то же время существует однозначная обратная корреляция между совершенством и эгоизмом"[3].

Формирование концепции разумного эгоизма связано с развитием этических программ гуманистов философии эпохи Возрождения. В отличие от средневековой христианской оценки эгоизма, в философии эпохи Возрождения происходит гуманистическая реабилитация этого понятия. Л.Валла в трактате „О наслаждении" оправдывает земные человеческие стремления, продиктованные его эгоистической природой:

---

[1] Аристотель, *Никомахова этика,* Соч. В 4 Т. 4, Москва 1983, с. 257.

[2] Ibidem, с. 258.

[3] И.А. Рудзит, *Эгоизм как внутренний нравственно-этический фактор развития самосознания человека*, Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина 2006, № 1, с. 57.

„природа поставила перед тобой наслаждения и дала душу, склонную к ним”[4]. Ради самосохранения естественно заботиться в первую очередь о себе.

Настоящей апологией деятельности, основанной на эгоистической воле субъекта, становится книга Николло Макиавелли „Государь”. В духе обнаженной, выстраданной Макиавелли правды об истинных, по его убеждению, эгоистических мотивах, стимулах человеческих поступков по отношению к другим, особенно к тем, кто зависит от тебя или ты от него зависим, он беспощадно констатирует: „Даже когда государь считает нужным лишить кого-либо жизни, он может сделать это, если налицо подходящее обоснование и очевидная причина, но должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества”[5].

Приверженец индивидуализма, в трактате „Государство” Макиавелли сопрягает государственное право с единоличной волей правителя и не уповает на политическое сознание и социальную активность масс, что исторически соответствует духу времени. По мысли философа, государство самим фактом своего существования обязано энергии человеческого эгоизма, оно же и позволяет ограничить эгоистические претензии индивидов. Это важно в целях самосохранения самого человека от своей же эгоистически разрушительной деятельности. В более позднем сочинении „Рассуждения о первой декаде Тита Ливия” он признает то, что политическая свобода обогащает возможности всех участников процесса государственного строительства.

Теория разумного эгоизма как часть моральной философии, интенсивно развивалась в трудах мыслителей Нового времени и Просвещения. Новоевропейский подход к проблеме человека опирается на признание его достоинства, права на осознанный самостоятельный выбор, суверенности интересов свободного индивида, последовательной реабилитации его как естественного родового существа с земными потребностями. Новоевропейскую этику можно было бы упрекнуть в апологии индивидуализма. Но ”то был индивидуализм, рождавшийся, с одной стороны, из противодействия различным формам социального угнетения, а с другой – из интеллектуального освоения той

[4] Л. Валла, *О наслаждении*, [Электронный ресурс], История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В 5 т. Т. 1. Античность. Средние века. Возрождение, Москва 1962, http://libelli.ru/works/o_kaife.html (23.01.2015).

[5] Н. Макиавелли, *Избранные сочинения:* пер. с итальянского, Москва 1982, с. 349.

общественной практики, которая становилась каждодневной реальностью новых хозяйственных отношений"[6].

В философско-этических воззрениях Т. Гоббса, Ф. Бэкона присутствуют рассуждения о прирожденном эгоизме, своеобразии „человеческой природы" предпочтении людьми того, что приносит им выгоду, пользу. В частности, в „Георгиках души" (учении о нравственном воспитании человека) Ф. Бэкон признает, что в большинстве случаев люди совершают добрые дела не с тем, чтобы помочь другим или сделать их счастливыми, но „только для самих себя, лишь ради собственного могущества и влияния"[7].

Размышляя о причинах, заставляющих людей объединяться в общества, Т. Гоббс в сочинении „О гражданине" приходит к выводу о том, что это „происходит не потому, что иначе не могло бы быть по природе [...] Ибо если бы человек любил человека по своей природе, то есть как человека, невозможно было бы привести ни одного основания, почему каждый человек не любит равным образом всех людей, поскольку они такие же люди, как и он, или почему он предпочитает посещать общество тех, где он находит больше уважения или выгоды. Значит, по природе мы ищем не сотоварищей, а уважения или выгоды, которые они нам могут дать [...] А с какой целью собираются люди, становится ясным из того, что они делают в своих сообществах. Ведь если они объединяются в целях торговли, то каждый заботится не о своем компаньоне, а о собственных интересах"[8]. Таким образом, общественная жизнь представляется как хитросплетение человеческих интересов.

Философ признает доминирование эгоистической природы человека как гарантии самосохранения. Взгляды Гоббса близки предшественникам утилитаризма, английским моралистам XVI–XVII вв., определявших моральную ценность поведения через полезность, а общественные интересы как совокупность действительно существующих частных интересов.

Английский философ, писатель, экономист Б. Мандевиль, развивая идеи Гоббса, сумел так оригинально преподнести свою версию сущности морали. Показав, каков на самом деле человек с его истинными

---

[6] *История этических учений*, [А.А. Гусейнов, А.И. Кобзев, В.К. Шохин и др.], под общ. ред. А.А. Гусейнова, Москва 2003, с. 553.

[7] Ф. Бэкон, *Сочинения*, В 2 т. Т. 1, АН СССР, Ин-т философии. 2-е изд., испр. и доп, Москва 1977, с. 413.

[8] Т. Гоббс, *Сочинения*, В 2 т. Т. 1, Москва 1989, сс. 285, 286.

земными, а не искусственно сформированными потребностями, идеализированными качествами, Мандевиль предлагает использовать природные эгоистические свойства, неистребимый частный интерес в практике воспитания и управления. То, что объявлено и признано негативным, может послужить благим общественным намерениям и социально значимым целям. В своей „Басне о пчелах или пороки частных лиц благо для общества" философ аллегорически подтверждает эту мысль:

„И добродетель, научившись у политики
Тысяче хитроумных уловок,
С их помощью подружилась с пороком.
С тех пор даже самый худший из всей массы
Всегда предпринимал что-нибудь для общего блага"[9].

В своей программе Мандевиль серьезное внимание уделяет самодисциплине и воспитанию. Добродетель он связывает с активностью („добродетель заключается в действии"[10]), самоотречением, основанным на разумных потребностях, отказе от злых умыслов и благовоспитанности[11]. Не идеализируя человека, Мандевиль признает, что удовольствие совершить добродетельный поступок – весьма скудное вознаграждение по сравнению с самоотречением от одного желания в пользу нового, которое может стать источником наслаждения и принесет удовлетворение гордости.

О путях формирования концепции разумного эгоизма можно судить по поучительным „анатомическим" трактатам французских моралистов XVII–XVIII в., „когда термин «анатомия» был в ходу и обозначал любое разъятие с целью анализа – не важно, человеческого тела или души. Как и естествоиспытателей, их интересовало то, что скрывается за внешней оболочкой, за привычными действиями, за столь, казалось бы, ординарными побуждениями"[12]. Идеал человека этого времени был ориентирован на гармонию достоинств в общественном и нравственном выражении. Человек благородный, порядочный, по мысли моралистов, избегает крайностей, он добродетельный и образованный, но не выставляющий напоказ ни того, ни другого, в нем развито чувство долга, но при этом он избегает ненужного героизма, всегда готов

[9] Б. Мандевиль, *Басня о пчелах,* Москва 1974, с. 56.
[10] Ibidem, с. 297.
[11] Ibidem, сс. 154, 155.
[12] М.С. Неклюдова, *Анатомия нравов: французские моралисты XVII–XVIII вв.,* Максимы, Ф. де Ларошфуко. Характеры, или Нравы нынешнего века, Ж. де Лабрюйер. Избранные беседы, Москва 2004, с. 5.

служить друзьям, и (что важно для понимания разумного эгоизма) человек достойный отличается от всех прочих именно разумностью, „не отрекается и от собственных интересов, стараясь при этом не навредить чужим"[13].

Ф. де Ларошфуко, следуя этико-философским взглядам П. Гассенди, относит себялюбие к врожденным инстинктам: „Воспитание молодых людей обычно сводится к поощрению их врожденного себялюбия", где „себялюбие – это любовь человека к себе и ко всему, что составляет его благо"[14].

В отличие от своего предшественника П. Гассенди, Ларошфуко подчеркивает трагизм моральных противоречий „естественного человека". Себялюбие порождает пороки, но человек может не осознавать всю глубину своего порабощения страстями, ему лишь кажется, что он поступает разумно, за добродетелью скрывается своекорыстный интерес, себялюбие: „Пороки входят в состав добродетелей, как яды в состав лекарств; благоразумие смешивает их, ослабляет их действие и потом умело пользуется ими как средством против жизненных невзгод"[15] . Общественное состояние человека накладывает отпечаток на его образ (сейчас бы сказали имидж), поэтому „наши добродетели – это чаще всего искусно переряженные пороки"[16]. Однако природный эгоизм, своекорыстие „приводит в действие все добродетели и все пороки", то есть является движущей причиной поступков людей.

Для Ж. де Лабрюйера социальные условия, положение в обществе, нравы эпохи наравне с природными качествами определяют характер человека. Социальный анализ Лабрюйера отличается глубиной. Он уловил новую силу, которой принадлежит будущее, – власть денег. Пожалуй, ни о ком не говорит Лабрюйер с таким гневом и злостью, как о финансистах и откупщиках. Золото в глазах писателя еще более страшная сила, чем сословные привилегии. Оно разрушает естественные связи между людьми, нравственную основу жизни[17]. Его обличения порой беспощадны: „Бывают низкие души, вылепленные из грязи и нечистот, любящие корысть и наживу так же сильно, как души высокие любят славу и добродетель. Их единственная отрада – все приобретать и ничего не терять; им интересно и важно только одно – поместить

[13] М.С. Неклюдова, *Анатомия нравов: французские моралисты XVII–XVIII вв.,* с. 12.
[14] Ф. Ларошфуко, *Максимы*, Мысли, Блез Паскаль. Характеры, Москва 1974, сс. 63, 98.
[15] Ф. Ларошфуко, *Максимы*, с. 53.
[16] Ibidem, с. 62.
[17] В.Я. Бахмутский, *Французские моралисты,* Москва 1974, с. 25.

деньги из десяти годовых; они постоянно заняты мыслью о своих должниках, вечно боятся понижения пробы или веса монеты, всегда погружены в контракты, векселя и прочие документы. Их не назовешь ни отцами, ни гражданами, ни друзьями, ни христианами. Они, пожалуй, даже не люди. Зато у них есть деньги"[18].

Французский писатель-моралист Н. де Шамфор в „Максимах и мыслях" размышляет о неоднозначности человеческих качеств, своеобразии, казалось бы, типичных характеров при испытании деньгами: „Для ничтожных людишек корысть – самое сильное искушение, для людей достойных – самое слабое; от человека, презирающего деньги, еще очень далеко до человека истинно порядочного. [...] Богаче всех человек бережливый, беднее всех – скряга"[19].

Ж.Ж. Руссо еще более тонко подходит к проблеме личных интересов человека, его „эго", самостоятельности, подчеркивая неповторимость, сложность, своеобразие индивидуального характера: „человеческий разум не имеет определенного общего мерила, и недопустимо, чтобы кто бы то ни было навязывал свое мерило в качестве руководства остальным [...] До известного предела имеются общие принципы, очевидные для всех истины, и, кроме того, у каждого – свой собственный разум, определяющий его поведение, [...] общие границы разума не установлены и никому не дано контролировать разум другого"[20].

Позиция одного из виднейших французских просветителей Д. Дидро к проблемам природы человека, морали и нравственности, разума отражена в его статьях и знаменитых философских диалогах. Он подверг сомнению тезис о первоначальном тождестве природности и разумности, вскрыл противоречивость природного-нравственного и природного-разумного. В то время как другие просветители убеждены в том, что противоречие между индивидуальной и социальной природой человека устраняется воспитанием, Дидро удается понять неустранимость противоречия и воспроизвести его в виде противоречия разума – соответствующего индивидуальной природе человека и соответствующего его общественной природе, т.е. открыть противоречивость разума в целом[21].

---

[18] Ж. Лабрюйер, *Характеры, или Нравы нынешнего века,* Москва 2004, с. 220.

[19] С. Шамфор, *Максимы и мысли,* пер. О. Корнеева и Э. Липецкой, Москва 2004, с. 220.

[20] Ж.Ж. Руссо, *Избранные произведения*, в 3 т. Т. 1. Об искусстве и литературе. Поэзия. Драматургия. Философская сказка. Педагогический роман, сост. и авт. вступ. ст. И.Е. Верцман, Москва 1961, с. 72.

[21] Т.Б. Длугач, *Дидро и Приключения диалогического разума,* Вопросы философии 2013, № 8, с. 141.

Studia Warmińskie 53 (2016)

У философа нет однозначности и в подходе к оценке эгоистических мотивов деятельности человека. В одном из примечаний „Принципов нравственной философии [...]" Д. Дидро весьма подробно излагает очень близкую Ф. де Ларошфуко точку зрения на личный интерес и любовь к себе как на принципы человеческих действий, хотя как известно, это „вольный перевод" или творческая переработка этической концепции английского свободомыслящего философа А.Э.К. Шефтсбери, изложенной в сочинении „Исследование о добродетели, или достоинстве". „Все книги о нравственности, – читаем у Д. Дидро, – полны неясных протестов против личного интереса. Все детали, деления и подразделения приводят к загадочному выводу о том, что, каким бы ни было благовидное бескорыстие, какова бы ни была внешняя щедрость, которую мы, в сущности, ставим на карту, личный интерес и любовь к себе являются единственными принципами наших действий [...] Ибо все мы согласны с тем, что существа могут любить себя, могут стремиться к осуществлению своих интересов и искать мирское счастье, оставаясь при этом добродетельными. Значит, вопрос не в том, действовали ли мы из любви к себе или из интереса, а в том, чтобы определить, когда эти два чувства могут способствовать счастью, цели, к которой стремится всякий человек. Высшим устремлением человеческого благоразумия является любовь к себе, понимание своих интересов и познание своего счастья"[22].

Таким образом, ведущей идеей моралистов оказывается признание эгоистической природы человека, который сопрягает личный интерес с общественным как основой морали. Общество на основе справедливого устройства, просвещения, воспитания, права обязано создать условия, стимулирующие нравственные побуждения, основанные на стремлении к выгоде. Человеческое целеполагание должно быть связано с уважением к правам и свободам, интересам других людей, то есть принципом разумного эгоизма, как его понимали моралисты.

Наиболее отчетливо эти требования прозвучали в произведениях К.А. Гельвеция. Он обосновывает универсальность принципа себялюбия, обусловленного эгоистической чувственной природой человека. По мысли философа, „самолюбие – стержень наших страстей"[23]. Поэтому следует признать, что самолюбие, или „любовь к себе, не что

[22] Д. Дидро, *Сочинения,* В 2 т. Т. 1. сост. ред. вступит. статья и примеч. В.Н. Кузнецова, пер. с франц. П.С. Попова, И.Б. Румера, В.К. Сережникова и др. Москва 1986, с. 76.

[23] К.А. Гельвеций, *Сочинения*, В 2 т. Т. 1. сост., общ. ред. и вступ. ст. Х.Н. Момджяна, Москва 1973, с. 135.

иное, как запечатленное в нас природой чувство; что это чувство преобразуется в человеке в порок или добродетель в зависимости от вкусов и страстей, его воодушевлявших, и что самолюбие, различно видоизмененное, производит как гордость, так и смирение [...] надо брать людей такими, как они есть; раздражаться следствиями их себялюбия — значит жаловаться на весенние бури, летнюю жару, осенние дожди и зимние стужи"[24].

Стремление к удовольствию, бегство от страдания заставляют человека действовать во благо себя и общества, в котором он находится, от которого зависит его благосостояние. Таким образом, эгоистические побуждения способствуют общественному прогрессу, они же являются основанием нравственности: „самолюбие есть единственное основание, на котором можно построить фундамент полезной нравственности"[25].

Максимальная реализация способностей человека, его успех, благополучие, а также процветание общества, таким образом, взаимосвязаны и зависят от обоюдных усилий. Человек, стремясь к личному благу на основе самолюбия, не только не вредит интересам общества, но, напротив, содействует общему благу. Так проявляется разумный, а не узкий эгоизм, направленный лишь на себя, не учитывающий стремления других людей, чужие интересы. Узкий эгоизм приводит к борьбе самолюбий, и, в конечном итоге, к безнравственным поступкам, поражению, жизненному краху. Правильное воспитание, власть закона помогают индивидуальное, личное сочетать с общим, выбрать верный нравственный критерий и путь. Воспитанию Гельвеций отводит важнейшие функции так как все, по его мнению, „вплоть до себялюбия, является у нас благоприобретенным. Мы учимся любить себя, быть гуманными или негуманными, добродетельными или порочными. Нравственный человек – целиком продукт воспитания и подражания"[26].

Само общественное благо как критерий нравственности необходимо должно включать в себя блага единичные, „малые", но от этого не менее значимые. Задача общества воздействовать всеми доступными средствами, чтобы убедить человека в выгодном для него же поведении и пресечь любые попытки принести вред. Гельвеций размышляет о том, что искусство законодателя заключается в том, чтобы заставить людей быть справедливыми друг к другу, опираясь на их любовь к себе самим.

---

[24] Ibidem, c. 174.

[25] Ibidem, c. 311.

[26] К.А. Гельвеций, *Сочинения,* В 2 т. Т. 2. сост. и общ. ред. Х. Н. Момджяна, Москва 1974, с. 255.

А чтобы составить такого рода законы, надо знать сердце человеческое, и прежде всего знать, что люди любят только самих себя и равнодушны к другим и не рождены ни добрыми, ни злыми, а готовыми стать теми или другими в зависимости от того, соединяет или разделяет их общий интерес; что чувство предпочтения, которое каждый испытывает к самому себе и с которым связано сохранение рода, неизгладимо запечатлено в нем самой природой; что физическая чувствительность вызвала в нас любовь к удовольствию и отвращение к страданию; что затем чувства удовольствия и страдания посеяли и взрастили во всех сердцах семена себялюбия, которые, развиваясь, породили страсти, из коих проистекли все наши пороки и добродетели[27]. Эгоизм, по мысли философа, генерируя усилия индивидуумов, является движущей силой общественного развития, так как себялюбие общее всем людям, одинаково у всех, может во всяком случае сообщить им энергию и силу внимания, необходимую для приобретения величайших идей[28].

Современник Гельвеция, Поль Анри Гольбах, признавал стремление к личному благу во всех его многообразных проявлениях (разумный эгоизм, самосохранение, удовлетворение личных интересов, даже материнская любовь) основой всех поступков и чувств „Человек никогда не теряет из вида цель самосохранения и достижения счастья. Поэтому он всегда действует в своих интересах"[29]. В „Основах всеобщей морали, или катехизисе природы" философ фактически излагает мысли о необходимости свободы рынка и предпринимательской деятельности, делая вывод о том, что разумная политика разрешает подданным обогащаться тем способом, какой они сочтут наиболее соответствующим их интересам[30].

В книге, написанной в 1765 г., Гольбах озвучивает идеи, которые позже обоснует А. Смит в знаменитом „Исследовании о природе и причинах богатства народов" (1776 г.). Гольбах утверждает, что торговля требует самой полной свободы, ведь чем она будет свободнее, тем шире разовьется. Правительство, по мысли Гольбаха, ничего не должно делать за коммерсанта, оно должно лишь предоставлять ему возможность делать то, что он сочтет необходимым. Выгода коммерсанта „лучше

[27] К.А. Гельвеций, *Сочинения*, В 2 т. Т. 1. сост., общ. ред. и вступ. ст. Х.Н. Момджяна, Москва 1973, с. 315.

[28] К.А. Гельвеций, *Сочинения,* В 2 т. Т. 2. сост. и общ. ред. Х.Н. Момджяна, Москва 1974, с. 234.

[29] П.А. Гольбах, *Избранные произведения.* В 2 т. Т. 2. Поль Анри Гольбах, под общ. ред. Х.Н. Момджяна, пер. с фр. Т.С. Батищевой и В.О. Полонского, Москва 1963, с. 42.

[30] Ibidem, с. 418.

всяких правил будет руководить им в его предприятиях; тот, кто потерпит неудачу, предупредит тем самым всех остальных об опасностях, которых они должны избегать. Государство должно лишь оказывать торговле покровительство. И те торговые нации, которые предоставят своим подданным самую неограниченную свободу, могут быть твердо уверены, что возьмут верх над всеми остальными"[31].

Выступая против любой формы гнета и насилия (духовного в том числе), Гольбах, утверждает приоритет активной полезной деятельности, истинного освобождения от пороков и страданий. При этом земные интересы, природное неравенство могут стать потенциалом естественного сотрудничества, основанного на взаимодополнении согласованных действий во благо всем.

В „Системе природы" Гольбах сообщает о цели книги, важнейшей для его творчества: „вернуть человека к природе, сделать для него дорогим разум, заставить любить добродетель, рассеять мрак, скрывающий от него единственную дорогу, которая может верно привести к цели его стремлений – счастью"[32]. Философ утверждает, что сущность человека (его „своеобразная индивидуальная природа") в том, чтобы „чувствовать, мыслить, действовать", при этом „чувствующее, мыслящее, желающее, действующее существо должно в силу своей сущности трудиться для своего счастья"[33].

Таким образом, принципы всеобщей „естественной морали", которую отстаивает Гольбах, базируются на врожденных свойствах человека как природного существа. Этика разумного эгоизма построена по простой и понятной схеме и не противоречит здравому смыслу: природная любовь к себе – стремление к счастью – желание блага – отказ от страданий – разумное признание пользы добродетели и опасности порока. Добродетель связана с умеренностью, благоразумием, справедливостью, активной деятельностью на общее благо.

Принцип отношений, построенный на этике разумного эгоизма, стал одним из ведущих в фундаментальной теоретико-методологической позиции А. Смита, ученого, предвосхитившего и предопределившего развитие экономической мысли и хозяйствования многих стран.

---

[31] Ibidem.
[32] П.А. Гольбах, *Избранные произведения*, В 2 т. Т. 1. Москва 1963, с. 57.
[33] П.А. Гольбах, *Избранные произведения*, сс. 66, 67.

Studia Warmińskie 53 (2016)

EGOIZM ROZUMNY JAKO IDEOWY OBRAZ CZŁOWIEKA A STOSUNKI EKONOMICZNE

(STRESZCZENIE)

Stosunki gospodarcze są jednym z ważniejszych składników tworzących kontekst egzystencji współczesnego człowieka. Oznacza to, że rozwiązanie pilnych problemów społecznych musi uzględniać mechanizmy rynkowe oraz aktualną sytuację ekonomiczną. Okazuje się ponadto, że za jeden z ważniejszych motywów, które skłaniają ludzi do podejmowania określonego działania są obecnie względy ekonomiczne, czyli pragnienie osiągnięcia maksymalnego materialnego zysku, przy jednoczesnym dążeniu do minimalizowania strat. Przedmiotem artykułu jest wpływ na współczesne postrzeganie stosunków gospodarczych poglądów autorów (m.in. A. Smith, L. Valla, N. Machiavelli, Th. Hobbes, F. Bacon, B. Mandevil, Zh.Zh. Russo, Diderot, K. Gelvetsy i P.Golbah), którzy przedstawiają człowieka jako istotę rozumnie egoistyczną.

PRINCIPLE OF RATIONAL EGOISM AS AN IDEOLOGICAL CONCEPTION OF MAN FOUNDATION AND THE CONTEXT OF ECONOMIC RELATIONS

(SUMMARY)

The modern global context of humanity's existence is greatly mediated by economic relations. The solution of typical social issues is closely related to the economic sphere, economic activity, and market mechanisms. The subject of all co-operations is the specific character of his economic, natural and behavioral displays, presented in the model of homo economicus. The article considers the historical part of ideological reconstructions of economic theories where certain conceptions of man, one or another understanding of his essence and destiny as an expression of the spirit of time are shown (A. Smith, L. Valla, N. Machiavelli, T. Gobbs, F. Bacon, B. Mandeville, J.J. Rousseau, D. Didro, C. Helvétius, P. Holbach and others).

DAS PRINZIP DES VERNÜNFTIGEN EGOISMUS ALS EINE IDEOLOGISCHE GRUNDLAGE FÜR EIN MENSCHENBILD (IM KONTEXT DER WIRTSCHAFTSBEZIEHUNGEN)

(ZUSAMMENFASSUNG)

Der moderne globale Kontext der menschlichen Existenz wird durch wirtschaftliche Beziehungen weitgehend vermittelt. Die Lösung der aktuellen sozialen Probleme ist eng mit dem ökonomischen Bereich, mit der wirtschaftlichen Tätigkeit und mit der Marktwirtschaft verbunden. Im Mittelpunkt aller Wechselwirkungen in diesen Bereichen steht der Mensch mit der Spezifik seiner wirtschaftlichen natürlichen Verhaltensweise als Modell eines wirtschaftlichen Menschen. Im Artikel betrachtet der Autor den historischen Schnitt ideologischer Umgestaltungen von ökonomischen Theorien, die eine bestimmte Konzeption des Menschen darstellen als die eine oder die andere Auffassung seines Wesens und seiner Prädestination als Zeichen des Geistes seiner Zeit (A. Smith, L. Valla, N. Machiavelli, T. Hobbes, F. Bacon, B. Mandeville, J.J. Rousseau, D. Didro, C. Helvétius, P. Holbach und andere).